

Четыре отреза алого шёлка и четыре отреза изумрудно-зелёного шёлка.

Один большой кошель, внутри которого лежало сто лян золота.

Одна свинья на убой, десять крупных гусей, двадцать полосок вяленого мяса и двадцать связок копчёных колбас.

Новенький официальный комплект «Четырёх книг и Пяти канонов», а также набор канцелярских принадлежностей императорской канцелярии из столицы.

Плюс два даня (около 200 кг) превосходной писчей бумаги «Юйбань сюань» и два куня (около 1 кг) чая «Мэндин Улун».

Все смотрели на это с завистью и жадным блеском в глазах. Но советник Мо пояснил:

— Господин цзюйжэнь Вэнь не только, будучи учёным, проявил героизм в защите родины, но и чётко, подробно и безошибочно зафиксировал заслуги как воинов армии, так и жителей Ляньхуаао. Это чрезвычайно облегчило работу чиновников при расследованиях и запросах из столицы. Поэтому уездный начальник решил из собственного кармана наградить господина Вэня этими дарами. Вкупе с официальной наградой от ямыня — вот и весь перечень.

Вэнь Жунь прекрасно понимал: его речь непременно дойдёт до столицы и, скорее всего, будет включена в официальный доклад. Но ему было всё равно — ведь его похвала была искусно замаскирована, без единого грубого намёка на лесть. Такие слова всегда находят отклик у чиновников и военачальников: «Все любят, когда их хвалят, и все готовы поддержать друг друга».

— Благодарю Его Превосходительство за великую милость! — Вэнь Жунь глубоко поклонился.
— Вэнь смиренно принимает эти дары.

Получив деньги и подарки, все стали расходиться из ямыня. Вэнь Жунь тоже вышел, но в отличие от других, которые несли свои награды в руках, ему пришлось выезжать на повозке — столько всего не унести!

И не на одной повозке: за ним тянулись ещё несколько телег, гружённых сплошь его наградами.

Приехал он в город с повозками, набитыми ранеными, а уезжал — с повозками, ломящимися от подарков.

Уж такого точно никто не ожидал.

Спокойно выехав за городские ворота, Вэнь Жунь не поехал сразу в Ляньхуаао, а направился прямо в лагерь Ван Цзиня и его товарищей.

Лагерь располагался за городом. Все палатки были новыми — их предоставил уезд Юннинь для армии и не собирался забирать обратно. Кроме того, солдатам бесплатно выдавали еду: каждый день на столе были курица, утка, рыба и мясо.

Особо огородили участок забором — временная тюрьма для пойманных разбойников.

Однако теперь эта территория находилась под военной охраной, и Вэнь Жуню туда вход был запрещён. Зато он попросил часового по имени Бин Дин передать Ван Цзюню, чтобы тот вышел к нему.

Здесь все друг друга знали, поэтому вскоре Ван Цзюнь уже бежал к нему:

— Ты как сюда попал?

— Пока в уезде ждал решения ямыня, велел приготовить тебе кое-что, — сказал Вэнь Жунь и велел слуге передать несколько больших тюков: — Вот нижнее бельё, вот вяленое мясо, вот копчёности...

Он отдал Ван Цзюню ровно половину своих наград:

— Всё это — тебе. Одежду, обувь и носки можешь поделить с Лян Эр. Его вещи тёмные, а твои — натурального цвета, не перепутайте.

Ему совсем не хотелось, чтобы Ван Цзюнь и Лян Эр делили даже нижнее бельё... Это было бы уж слишком!

— Понял, — ответил Ван Цзюнь, но с таким количеством вещей он явно не справился бы в одиночку. К счастью, тут же подоспела тележка для перевозки провианта, и всё добро аккуратно погрузили на неё.

— А это фрукты — купил специально для вас. Раздай, пожалуйста, всем, — добавил Вэнь Жунь, протягивая ему ещё и два мешка зелёного горошка. — Сварите прохладительный отвар из фасоли.

— Хорошо! — Ван Цзюнь покраснел — то ли от солнца, то ли ещё почему.

Поговорив ещё немного, Вэнь Жунь простился с ним:

— Мне пора возвращаться. Здесь мне долго задерживаться нельзя.

— Хорошо, — кивнул Ван Цзюнь.

Вэнь Жунь развернулся и ушёл. Его повозка давно скрылась вдали, а Ван Цзюнь всё ещё стоял у ворот, не шевелясь.

Наконец Лян Эр подошёл и позвал ещё пару солдат:

— Ты чего уставился? Твой учёный братец уехал?

— Ага, — Ван Цзюнь вытер пот со лба. — Всё это он прислал. Забирайте и разносите в лагерь. Что можно использовать — раздайте всем. Фрукты помойте и тоже поделите поровну.

Вэнь Жунь отлично умел держать себя в обществе. Он пришёл не с пустыми руками — привёз фрукты, вяленое мясо и прочее. Пусть даже каждому достанется всего горсть, но те, кто отведают, обязательно запомнят доброту Ван Цзюня.

Ван Цзюнь прекрасно понимал: Вэнь Жунь таким образом поднимает его авторитет.

Вернувшись в лагерь, он услышал ото всех: «Ты реально разбогател!»

Не только воинскую заслугу получил, но и лицо приобрёл. Те, кто ходил с ним в Ляньхуаао, теперь везде рассказывали, какая у него замечательная семья, какой вежливый и учтивый брат по договору, как их даже искупали и переодели.

На самом деле их одежду просто постирали и сушили, а местные женщины, увидев дыры, заодно и зашили — просто так, из доброты.

Солдаты, привыкшие к грубой армейской жизни, были поражены: горячая ванна, вкусная еда, хорошее обращение... Все говорили, будто их десятник («ши чжан») привёл их в гости к себе домой, как настоящих братьев.

Теперь все запомнили: десятник Ван Цзюнь — из Ляньхуаао, у него есть брат по договору — цзюйжэнь, учёный человек, в чьём доме целая библиотека!

Хотя на самом деле они видели лишь малую часть, но это не мешало им потом хвастаться перед другими.

Так Ван Цзюнь окончательно прославился среди своих.

Ведь он, простой повар из полевой кухни, сумел возглавить отряд и поймать столько разбойников!

Другие десятники тоже ловили преступников, но у многих были раненые — правда, тяжёлых не было, только лёгкие ушибы и царапины.

Ван Цзюнь сначала раздал всё раненым, потом — своим людям, и лишь в последнюю очередь — остальным в лагере.

Генерал Дун Хао посмотрел на поданные блюда:

— Кто это приготовил? Не похоже на обычную казарменную стряпню!

— Генерал, это прислал Вэнь Жунь, брат по договору Ван Цзюня, — тихо доложил личный оруженосец, отвечающий за питание генерала. — Ван Цзюнь специально велел поварам приготовить для вас. Вот ещё фрукты и вяленое мясо.

— Принеси-ка сюда! — Генерал Дун Хао взглянул на еду и немного повеселел.

Обычно его обед был скромен: курица, сваренная в большой казарменной кастрюле (вкус, мягко говоря, неважный, но хоть мясо), салат из тофу с зелёным луком, миска риса, несколько сухих лепёшек и миска супа из костей с горсткой мелких креветок.

А теперь перед ним стояла тарелка с паровой вяленой свининой — настоящая деликатесная закуска! Жирок так и сочился, солёный аромат щекотал ноздри, а сверху ещё и полили острым кунжутным маслом с перцем — идеально к рису.

В армии таких продуктов точно не бывало.

— Генерал, вот список всего, что прислали, — оруженосец подал ему листок.

Дун Хао развернул его. Запись была выполнена в официальном «гунгэ-тай» — аккуратным, чётким почерком. Список товаров не содержал ничего дорогого: всё значилось как местные деликатесы — вяленое мясо и колбасы, фрукты и мясные закуски, банка острых мелких рыбок и креветок как закуска к рису, сушёные местные фрукты для заварки чая, знаменитый местный сорт зелёного горошка «Шаля», из которого получается особенно нежный отвар, плюс две банки чая — чёрного и зелёного — и коробка сладостей к чаю.

Вещи простые, недорогие, но подобраны с большим тактом. По крайней мере, в еде и питье генерал теперь мог чувствовать себя куда комфортнее.

— Неплохо, — задумчиво произнёс генерал Дун Хао. — Ван Цзюнь всё ещё в тыловом лагере,

на полевой кухне?

— Да, всё ещё там, — ответил оруженосец. — Он особенно заботится о раненых: готовит для них особую еду, чтобы быстрее заживали раны. Уже два дня все едят только то, что стряпает полевая кухня. Гораздо вкуснее, чем то, что мы обычно себе готовим. Видно, что повара там настоящие мастера!

— Понял, — генерал сел обратно за стол, взял палочки и начал есть. — Завари-ка мне чай из этой банки. И ещё прикажи сварить отвар из зелёного горошка для всех — пусть охладятся в такую жару.

— Слушаюсь! — Оруженосец поспешил выполнить приказ.

Вэнь Жунь не знал, как там обстоят дела у Ван Цзюня, но отправив генералу местные деликатесы, он тем самым «зарегистрировал» имя Ван Цзюня перед начальством.

До заката они успели вернуться в Ляньхуаао.

Дома как раз собирались ужинать и обрадовались их возвращению.

Вэнь Жунь быстро освежился под душем, переоделся в свободную домашнюю одежду, надел соломенные тапочки, взял в руки пальмовый веер и уселся у окна, наслаждаясь вечерней прохладой. Младшие братья и сестрёнка носили по двору пучки тлеющей полыни, отгоняя комаров.

— А как там братец в лагере? — спросила сестрёнка.

— Отлично! У него теперь воинская заслуга, скоро и награду получит.

— А когда он снова сможет домой приехать?

— Не знаю, этого не скажешь.

Мальчики спокойно приняли ответ, а вот младшая сестра Ван Мэй уже скучала по старшему брату. В её памяти он остался самым лучшим — всегда заботился, чтобы она была сытой и тёплой.

На втором месте шёл Вэнь Жунь — её «старший зять».

Поговорив немного, все пошли ужинать.

На следующий день частная школа возобновила занятия.

Днём заглянул дядя Чжан и даже успел перекусить у семьи Ван.

— Теперь, когда награды получены, все могут спокойно вздохнуть, — говорил он, хлёбая ароматную лапшу с креветками. — Через несколько дней начнётся прополка сорняков, так что присматривай хорошенько за детьми.

Сегодня на ужин в доме Ванов подавали лапшу с жареными угрями, салат из горькой дыни и яичный пудинг с моллюсками для детей.

— Ясно, — кивнул Вэнь Жунь. — Кстати, у всех есть отвар из зелёного горошка? В такую жару он очень кстати.

Ещё прошлым летом он заметил: в этих местах летом невыносимо жарко, да ещё и постоянно то дождь, то пасмурно.

— Есть, у всех есть, не волнуйся, — успокоил его дядя Чжан. — Слушай, армия уже свернула лагерь и ушла, но этот Ма Сань... представляешь, стал настоящим ямыньским служакой!

— О? — Вэнь Жунь вспомнил странное поведение Ма Саня и не удержался: — А что он такого натворил?

— Говорят, поймал нескольких разбойников, получил заслугу и перешёл из белых служек (байи) в настоящие ямыньские чиновники. Теперь получает по одной гуань в месяц! Парень теперь разбогател, — сказал дядя Чжан. — Даже выглядит теперь как человек, а не как бродяга.

— Правда? — задумался Вэнь Жунь. — Вы специально упомянули его... Неужели случилось что-то важное?

— Да нет, просто пару дней назад я был в ямыне по делам и видел его. Он велел передать тебе: семья Линь узнала о Цуйхуа.

— О Цуйхуа? — удивился Вэнь Жунь. — Но ведь тётушка Цуйхуа уже развелась с сыном Линей! Зачем им приходиться ко мне? У неё с ними больше никакой связи!

— Формально связи нет, — вздохнул дядя Чжан, — но та женщина, Ван Цзя, будто бы нашептала старухе Линь, что Лю Цуйхуа работает у тебя, каждый год получает немалые деньги, хорошо одета и накормлена. Да и вообще — разве ты не заметил? Цуйхуа стала гораздо краше! Не зря же в своё время третий сын Линей, будучи из знатной семьи, обратил внимание на эту бедную беженку. А теперь она ещё и зарабатывает, и выглядит свежо, с румяными щеками и белыми зубами... Я думаю, Линь Саньэр снова заинтересуется ею — всё-таки она

была его женой.

Он вздохнул ещё раз:

— В доме Линей Цуйхуа была самой работающей. Говорят, после того как её выгнали, хозяйство в доме чуть не рухнуло: все невестки стали отлынивать от работы, а старуха Линь целыми днями ругается на весь двор. Услышав, что Цуйхуа у тебя живёт в достатке, она ещё больше разъярилась. К тому же Линь Саньэр потом женился на той вдове, но та оказалась настоящей фурией — дома держит всех в ежовых рукавицах, так что остальные невестки чуть не лопаются от злости.

— Что же задумала эта Ван Цзя? — Вэнь Жунь давно не вспоминал об этой отвратительной родственнице.

— Да просто злится! — пояснил дядя Чжан. — Ма Сань, став служакой ямыня, узнал кое-какие слухи. Оказывается, прежний уездный начальник основательно проучил их семью. Их сын проигрался в долг в игорном доме, и те отрезали ему руку! Всё имущество конфисковали, чтобы покрыть долги, а саму семью — троих человек — выгнали из уездного города. Они поселились в Линьшаньчан: второй сын Ваней — торговец, хотел там начать новое дело и вернуть прежнее положение. Сын без руки больше не смеет играть в азартные игры. Что с ними сейчас — неизвестно. Но если вдруг явятся Лини, будь готов. Ни в коем случае не отдавай им Цуйхуа!

— Какое «отдавать»?! — возмутился Вэнь Жунь. — Тётушка Цуйхуа — свободная женщина! Она работает у меня по найму, получает ежемесячное жалованье, а вовсе не какая-то рабыня! Что они себе позволяют? Хотят силой увести незамужнюю женщину? Да это же похищение!

— У них с ней уже нет брачных уз, — продолжал он раздражённо. — Развод — значит, полный разрыв. Каждый волен вступать в новые браки. На каком основании они вообще суются сюда?

— Такие семьи — настырные и бесстыжие, — предостерег дядя Чжан. — Ты учёный человек, не стоит с ними ввязываться в грязные разборки. К счастью, вокруг деревни до сих пор стоят заграждения и заслоны. У входа в деревню дежурят люди — просто так никого не пропустят. Даже если Лини придут, им сначала придётся пройти деревенскую заставу. А уж в твой дом им и подавно не попасть без твоего разрешения.

Да и сам дом Вэнь Жуня был построен с расчётом на безопасность. Когда он строил его, основательно отвоевал землю: три больших двора, один за другим, и высокая стена, образующая форму иероглифа «хуэй» (囗) — внешнее кольцо окружало внутреннее.

Во внутреннем дворе располагались жилые покои, а по внешнему кольцу — огороды.

Просто так в дом не проникнешь. Именно поэтому тётушка Цуйхуа и чувствовала себя здесь в полной безопасности.

Многочисленные дворы, переходы и возвышения создавали ощущение надёжной защищённости, особенно для женщин во внутреннем дворе, которые почти никогда не видели посторонних.

— Я ни за что не впущу их в свой дом, — твёрдо сказал Вэнь Жунь. — Пусть ждут за воротами. Если Цуйхуа захочет с ними встретиться, пускай разговаривает с ними через порог — за пределами двора.

— Не волнуйся, — добавил он с улыбкой. — Я — цзюйжэнь, господин с учёной степенью. Уж сумею защитить тётушку Цуйхуа.

Ещё на Новом году Вэнь Жунь заметил: Цуйхуа относится к дому Ян как к родному, а к его дому — как к своему собственному. Хотя уход за детьми не входил в её обязанности, она особенно заботилась о Ван Мэй. Та боялась грозы, и каждый раз, когда начиналась гроза, Цуйхуа ложилась с ней спать.

Целыми ночами она не давала гаснуть свече — лишь бы девочка не боялась.

Одежда всех троих детей всегда была чистой и аккуратной, заплатки на вещах — мелкими и ровными, видно, что шила с душой. А всё своё жалованье и полученные в подарок продукты она отдавала соседям — семье старого Яна.

<http://bllate.org/book/15642/1398116>